

Мирослав Й. Лешка (Лодз, Польша)

ОТНОШЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХА НИКОЛАЯ I МИСТИКА К ВОПРОСУ СБОРА ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ НАЛОГОВ С ЦЕРКВИ В ПОЛЬЗУ ГОСУДАРСТВА

Николай I Мистик, занимающий константинопольский патриарший престол дважды: в 901–907 и 912–925 гг., является очень важной личностью в истории Византийской церкви первой четверти X в. и в политической жизни империи в эту эпоху. Он был одним из учеников патриарха Фотия. Первоначально его деятельность носила мирской характер и именно с этим можно связывать позднейшее прозвище Николая – мистик (*mystikos*), обозначающее чиновника занимающегося тайными делами. Патриархом Константинополя он был избран в 901 г. Патриаршего сана лишился в 907 г., после того, как отказался признать законным четвертый брак императора Льва VI (спор о тетрагамии). На патриарший престол Николай I вернулся в 912 г. и занимал эту должность вплоть до своей смерти в 925 г. В 913–914 гг. он стал во главе регентского совета при малолетнем императоре Константине VII Багрянородном¹. Когда он воспротивился четвертому браку императо-

¹ Подробнее по теме деятельности Николая I Мистика: G a y, J. Le patriarche Nicolas le Mystique et son rôle politique. – In: Mélanges Charles Diehl. Vol. I. Paris, 1930, 91–101; Κ ω ν σ τ α ν τ ί ν ι δ η ς, Ι. Νικόλαος Ἀ΄ Μυστικός (χα 853–925 μ. Χ.) πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως (901–907, 912–925). Ἀθήναι, 1967; J e n k i n s, R. J. H. A Note on the Patriarch Nicholas Mysticus. – In: J e n k i n s, R. J. H. Studies on Byzantine History of the 9th and 10th Centuries. London, 1970, no. V, 145–147; W e s t e r i n k, L. G. Introduction. – In: Nicholas I Patriarch of Constantinople. Letters, Greek text and English transl. R. J. H. Jenkins, L. G. Westerink. Washington, 1973, XV–XXVII; С т а н к о в и ћ, В. Цариградски патријарси и цареви македонске династије. Београд, 2003, 87–112. По теме личности Николая I: Л ю б а р с к и, Я. Н. Замечания о Николае Мистике в связи с изданием его сочинений. – В: Л ю б а р с к и, Я. Н. Византийские историки и писатели (сборник статей). Санкт-Петербург, 1999, 55–67; L e s z k a, M. J. Mikołaj Mistyk, patriarcha Konstantynopola w świetle korespondencji z Symeonem, władcą Bułgarii. – Balcanica Posnaniensia, 18, 2011, 23–33. По теме должности мистика (*mystikos*): G u i l l a n d, R. Le mystique, ho mystikos. – Revue des Études Byzantines, 26, 1968, 279–286; M a g d a l i n o, P. The not so-secret Function of the Mystikos. Revue des Études Byzantines, 42, 1984, 229–240. По теме

ра Льва VI (886–912), лишился сана патриарха. Сразу после возвращения на престол епископа византийской столицы Николай I был поставлен во главе регентского совета, управляющего государством после смерти императора Александра († 6.VI.913), при несовершеннолетнем Константине VII Багрянородном (913–959). Он управлял империей в течение нескольких месяцев в 913 г. и в начале 914 г. В это время ему удалось погасить мятеж Константина Дуки² и уладить претензии болгарского правителя Симеона I Великого (893–927), явившегося во главе своей армии у стен Константинополя летом 913 г.³ Статус главы регентского совета Николай I потерял в пользу императрицы Зои Карбонопсины, матери Константина, тем не менее вплоть до своей смерти проявлял интерес к государственным делам, касающимся прежде всего сферы взаимоотношений Византии с Болгарией.

Николай I Мистик является священником, который, с одной стороны, занимая пост главы Византийской церкви, знал принадлежащие ей права и выступал в их защиту от притязаний государственной власти. С другой сто-

роли, которую сыграл Николай в споре о тетрагамии: K a r l i n - H a y t e r, P. Le synode a Constantinople de 886 a 912 et le rôle de Nicolas le Mystique dans l'affaire de la tétragamie. – *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 19, 1970, 59–101; T o u g h e r, S. The Reign of Leo VI (886–912). Politics and People. Leiden–New York–Köln, 1997, 156–161. Неизвестно точно, когда и при каких обстоятельствах Николай вернулся на патриарший престол. Среди исследователей преобладает мнение, что Николая I восстановил в должности патриарха император Александр, можно однако полагать, что это произошло еще при жизни Льва VI (или было исполнением его последней воли). Аргументы в пользу этого заключения и новые источники приводились следующими историками: O i k o n o m i d è s, N. La dernière volonté de Léon VI au sujet de la tétragamie (mai 912). – *Byzantinische Zeitschrift*, 56, 1963, 46–52; O i k o n o m i d è s, N. La „préhistoire“ de la dernière volonté de Léon VI au sujet de la tétragamie. – *Byzantinische Zeitschrift*, 56, 1963, 265–270; Б о ж и л о в, И. Цар Симеон Велики (893–927). Златният век на средновековна България. София, 1983, с. 102; F l u s i n, B. Un fragment inédit de la vie d'Euthyme le patriarche? – In: *Travaux et mémoires*. T. 9. Paris, 1985, 119–131; T. 10. Paris, 1987, 233–260; D a g r o n, G. Kościół i państwo (połowa IX – koniec X wieku. – In: *Historia chrześcijaństwa. Religia. Kultura. Polityka*. T. IV. Biskupi, mnisi i cesarze 610–1054. Tłum. M. Żurawska, G. Majcher, A. Kuryś, J.M. Kłoczowski, M. Kurkowska. Red. G. Dagron, P. Riché, A. Vauchez. Red. wyd. pol. A. Romaniuk. Warszawa, 1999, p. 166.

² Константин Дука в момент смерти императора Александра исполнял должность доместика схол. Он попытался овладеть императорским престолом, может быть, при поддержке Николая I Мистика, опасавшегося утраты своего статуса. Мятеж Константина закончился совершенной неудачей – смертью Дуки и кровавыми гонениями, проведенными по патриаршему приказу. Подробнейший рассказ обо всех событиях, связанных с этим мятежом, содержит „Продолжатель Феофана“ – *Theophanes Continuatus*. Ed. V. G. Niebuhr. Rec. I. Bekker. Bonnae, 1838, 381–385; cf. R u n c i m a n, S. The Emperor Romanus Lecapenus and his Reign. A Study of Tenth-Century Byzantium. Cambridge, 1969, 49–50.

³ Этим вопросом занимались в последнее время: Н и к о л о в, А. Политическа мисъл в ранносредновековна България (средата на IX – края на X век). София, 2006, 129–139; L e s z k a, M. J. Symeon I Wielki a Bizancjum. *Z dziejów stosunków bułgarsko-bizantyńskich w latach 893–927*. Łódź, 2013, 117–158.

роны он был человеком, работавшим в молодости в государственной администрации и одно время управлявшим империей. Можно полагать, что он относительно хорошо понимал нужды и интересы государства.

В этой небольшой статье я попытаюсь охарактеризовать отношение Николая I Мистика к вопросу сбора (συνεισφέρω) чрезвычайных налогов с Церкви в пользу государства. Важнейшим источником для исследования взглядов константинопольского патриарха на эту тему является его переписка. До наших дней сохранилось сравнительно много писем Николая I – 190⁴. Рассуждения, касающиеся непосредственно или посредственно интересующего меня здесь вопроса, можно однако обнаружить только в следующих письмах: 35, 58, 92, 94, 149, 150, 183⁵.

Чтобы определить отношение константинопольского епископа к обсуждаемой теме стоит, по моему мнению, хотя бы косвенно очертить его взгляды по вопросу церковных владений и связанных с ними обязанностей Церкви в пользу государства, а – в более широкой перспективе – привилегий, которыми пользовалась Византийская церковь⁶. основополагающим заключением патриарха на эту тему является мысль, высказанная в письме к патрикию Филофею, датированном более поздним временем, чем период, в котором Николай I Мистик исполнял роль регента. В этом письме обсуждается тема незаконного призыва в императорскую армию священников и диаконов на территории, находящейся под управлением никейского митрополита. Взгляды Николая I на эту тему однозначны – привилегии, в свое время полученные Церковью от императоров, должны быть сохра-

⁴ Письма патриарха Николая I Мистика издавались: Nicholas I Patriarch of Constantinople...

⁵ Письмо № 35 к стратегу Стримона, 914/918 гг. (с. 248–251); № 58 к иконийскому митрополиту, ок. 916 г. (с. 300–301); № 92 к митрополитам, сентябрь/декабрь 920 г. (с. 354–357); № 94 к эфесскому епископу Григорию, сентябрь/декабрь 920 г. (с. 358–361). Александр Каждан датировал последние два письма 913 г., см.: Каждан, А. П. Болгаро-византийские отношения в 912–925 гг. По переписке Николая Мистика (опыт пересмотра хронологии писем). – *Études balkaniques*, 1976, № 3, 94–95, 106; № 149 к стратегу Фракийской фемы, без датировки в издании L. G. Westerink (с. 464–467); № 150 к патрикию Филофею, 915–918/9 гг. (с. 466–469); № 183 к Константину, 915/916 г. (с. 514–517), после марта 914 г. (Каждан, А. П. Болгаро-византийские..., с. 106), 922 г. (Σταυριδου - Ζαφρακα, Α. Η συνάντηση Συμεών και Νικόλαυ Μυστικού Αύγουστος 913 στα πλαίσια του βυζαντινοβουλγαρικού ανταγωνισμού. *Φεσσαλονίκη*, 1972, 49–57).

⁶ На тему экономических привилегий, которыми пользовалась Византийская церковь: O i k o n o m i d è s, N. Fiscalité et exemption fiscale a Byzance IXe–XIe s. Athenis, 1996; *Le Monde byzantin*. T. 2. L'Empire byzantin. Ed. J.-Cl. Cheynet. Paris, 2006, 156–157. О конфискациях церковного имущества см.: A n g o l d, M. Church and Society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261. Cambridge, 1995, 46–48. См. тоже P a p a g i a n i, E. Legal institutions and practice in matters of ecclesiastical property. – In: *The economic history of Byzantium: From the seventh through the fifteenth century*. Ed. A. E. Laiou. Vol. 3. Dumbarton Oaks, 2002, 1059–1069.

нены⁷. Это мнение следует отнести ко всем привилегиям, не только к тем, которые касаются вышеупомянутого вопроса. Патриарх требовал от представителей государственной власти, чтобы они не только не нарушали прав Церкви, но еще заботились о их тщательном соблюдении. Подобные мнения можно найти также в письме № 35 к стратегу фемы Стримон, в котором Николай I открыто утверждает, что все лица, служащие в государственной администрации, должны защищать церковные имения от притязаний жадных, злых людей⁸.

Из вышесказанного следует, что патриарх определил конкретные требования по отношению к государству, допуская возможность вмешательства империи в имущественные дела Церкви только до такой степени, которая одобрялась Церковью. В этом контексте отношение Николая I Мистика к вопросу сбора чрезвычайных налогов с Церкви в пользу государства является, на первый взгляд, однозначно отрицательным. Было ли так в действительности? Чтобы дать ответ на этот вопрос, стоит внимательно изучить все письма патриарха, содержащие информацию о налоге *синисфора*.

В письме № 58 к иконийскому митрополиту патриарх пишет о каких-то контрибуциях (ἡ συνεισφορά), которым подвергались церкви и о занятии или „пленении“ ближе неопределенных Божиих церквей (αἰχμαλωσίᾳ τῶν τοῦ θεοῦ). Николай I упоминает о печали и скорби, которые он испытывает по поводу сложившейся ситуации, а кроме того, отмечает необходимость согласиться с этими условиями. Неизвестно, какие исторические события он имеет в виду. Упоминаемое письмо датируется в научной литературе по-разному – ок. 916 г. (L. G. Westerink, R. J. H. Jenkins) или 913/914 г. Александр П. Каждан (1922–1997), принимающий эту последнюю датировку, предлагает связывать обсуждаемое заключение патриарха с болгаро-византийским конфликтом, во время которого болгары стали занимать византийские церкви⁹.

⁷ Николай I Мистик, письмо № 150, с. 468. Патриарх спрашивает адресата своего письма, могут ли лица, служащие Богу в качестве распорядителей священных таинств, подвергаться похищению и принуждению к службе в армии (с. 466). Этот вопрос является, очевидно, риторическим и патриарх ждет только одного, определенного ответа. См. письмо № 183, 514–517.

⁸ Николай I Мистик, письмо № 35, с. 248. Дело касалось землевладений константинопольской церкви Святой Софии в Стронгилизон. Патриарх обратился к начальнику Стримона по поводу письма, полученного от попечителя владений в Стронгилизон, сообщающего Николаю I о незаконном грабеже и занятии церковной земли. Константинопольский епископ писал к стратегу фемы, что он надеется, что его адресат предпримет нужные шаги, чтобы прекратить это злодейство. Стоит отметить, что представители государственной власти являлись вообще в глазах патриарха личностями, которые должны заботиться о слабых и бедных, обеспечивая им безопасность и справедливость (Николай I Мистик, письмо № 149, с. 464, 466).

⁹ Каждан, А. П. Болгаро-византийские отношения..., с. 106; Каждан, А. П. К вопросу о начале Второй болгаро-византийской войны при Симеоне. – В: Славянский архив. Москва, 1959, 23–29.

Своего рода смирение и понимание интересов государства можно обнаружить также в письме № 92 к митрополитам. Идет в нем речь об угрозах, вытекающих для общества (αἱ κοιναὶ) из вторжения болгар и варваров¹⁰. По этому поводу стоит собрать средства на предотвращение опасности. Патриарх заключает, что в этой обстановке нужно собрать дань со всех церквей и монастырей, находящихся под властью митрополита. Собранные средства стоит передать в казну к марту. Показательно, что Николай I Мистик не определяет точную сумму, которую следовало бы собрать. Оставляет этот вопрос открытым, на личное усмотрение митрополита. Обращает его внимание только на то, что налог не должен быть чрезмерно высоким (чтобы не разрушать правил нормального существования церковных учреждений на территории под управлением митрополита) или слишком низким (чтобы не дать императору возможности прислать своих налоговиков, собирающих дань по собственному усмотрению и, следовательно, повышающих ее размер). Именно так стоит понимать заключение Николая I Мистика, что его адресаты прекрасно знают, что может случиться в этой ситуации.

Мнение константинопольского епископа по вопросу императорских сборщиков безусловно не являлось, мягко выражаясь, положительным, хотя он не высказал его откровенно. Кажется, что его взгляды на эту тему в сущности не отличались от более эмоциональных по своей природе суждений охридского архиепископа Феофилакта, помещенных в его письмах (конец XI – начало XII в.). В этой статье я приведу два фрагмента из его писем, основополагающие для определения отношения Феофилакта к государственным налоговикам: „сборщики податей постоянно нас грабят“¹¹ и „Чего не сможет сделать сборщик податей, имеющий достаточную власть, чтобы одного унизить, другого – возвеличить, и могущий оказывать столь большое влияние на душу императора“¹². О том, что в глазах Николая I Мистика – как и Феофилакта почти два века спустя – сборщики являлись грабителями и всемогущими личностями, свидетельствует следующее письмо (№ 94). Оно было отправлено к эфесскому епископу Григорию по поводу дела, упомянутого уже в письме № 92. Патриарх советует в нем своему адресату, чтобы он для обеспечения интересов Церкви сотрудничал с императорскими посланниками и позаботился о

¹⁰ Николай I Мистик, письмо № 92, с. 354, 356.

¹¹ Феофилакт Охридский. Письма № 37, 42, см.: Théophylacte d'Acrida. Lettres. No. 37, 42. Introd., texte, trad., et notes P. Gautier. Thessalonique, 1986, p. 255.

¹² Феофилакт Охридский, письмо № 98, 65–66, p. 503. Подробнее на тему отношения Феофилакта к вопросу сбора налогов в статье: Leszka, M. J. Poborcy podatkowi w świetle korespondencji Teofilakta, arcybiskupa Ochrydy. – In: Byzantina Europaea. Księga jubileuszowa ofiarowana Profesorowi Waldemarowi Ceranowi. Ed. M. Kokoszko, M. J. Leszka. Łódź, 2007, 359–366.

том, чтобы собрать нужную сумму. Этим способом он избежит непосредственного вмешательства „императорских людей“ (βασιλικοί) в дело сбора налогов¹³.

В свете вышесказанного можно заключить, что Николай I Мистик, несмотря на свой опыт на государственной службе, действовал прежде всего как глава Византийской церкви и выступал в защиту ее интересов. Он стремился управлять ею так, чтобы церковное имение не потерпело некоего ущерба. В то же время он сознавал, что бывают и такие обстоятельства, при которых Церковь должна (даже недоброжелательно) оказать поддержку государству своими денежными средствами. Такого рода ситуацией являлась для него прежде всего угроза со стороны внешних врагов. Это не случайное совпадение, что в его эпоху под внешней угрозой следовало понимать прежде всего (если не только) сражения Византийской империи с Болгарией¹⁴. В особо неблагоприятные моменты этого конфликта государство предпринимало чрезвычайные шаги требовало поддержки также у Церкви. Именно при таких обстоятельствах собирались чрезвычайные налоги. Стоит, однако, подчеркнуть, что это происходило спорадически. Переписка Николая I Мистика может служить основой заключения, что сбор такого рода налогов имел место в период 912–925 гг. не более двух раз¹⁵.

Николай I Мистик считал, что Церковь должна оказывать государству поддержку, потому что только таким образом империя сможет защитить своих жителей от врагов, на общую пользу. Константинопольский епископ нашел и совсем другое, полностью религиозное оправдание своих взглядов, утверждая, что зло, поражающее общество, стоит считать своего рода наказанием за грехи всех его членов. В результате того – все обязаны исправлять его последствия.

Константинопольский патриарх признавая, хотя не без сомнений, неизбежность оказания государству поддержки в сложных военных условиях, отличался существенным прагматизмом и знакомством с деятельностью императорских чиновников. Свидетельствуют о том советы, которые дает митрополитам, предлагающие сотрудничать со сборщиками и не допускать их непосредственного вмешательства в сбор чрезвычайного налога. Только таким образом можно избежать чрезмерного повышения дани.

¹³ Николай Мистик, письмо № 94, с. 360.

¹⁴ По теме болгаро-византийских сражений во время второго патриаршего правления Николая Мистика: Б о ж и л о в, И. Цар Симеон..., 98–145; L e s z k a, M. J. Symeon I Wielki..., 117–217.

¹⁵ Учитывая неточность датировки писем, содержащих упоминания о *синисфоре*, можно осторожно предположить, что сбор налога состоялся накануне похода 917 г. (в письмах № 58 и 183 упоминается о „покупке“ союза с печенегами и турками/венграми), оконченого поражением при Ахелое, а потом, второй раз – в 920 г. (письма № 92 и 94).

Николай I Мистик в сочинениях современных исследователей является ловким и коварным политиком¹⁶. В известной степени его отношение к вопросу *синисфоры* подтверждает эти взгляды.

В другой статье, анализируя отношение константинопольского епископа к Симеону I Великому, я утверждал, что упомянутое заключение является преувеличенным и односторонним¹⁷. В поведении патриарха можно заметить личное, эмоциональное вовлечение, не имеющие почти ничего общего со сферой политической деятельности. Не исключено, что, разрешая обсуждаемый здесь вопрос, патриарх не только учитывал интересы Церкви или – в меньшей степени – государства, но имел также личные мотивы. Стоит помнить, что в начале 914 г. он потерял статус главы регентского совета, а власть перешла к людям, стремящимся ограничить его влияние церковной деятельностью¹⁸. Это наверно вызвало недовольство патриарха. Немаловажным стоит считать и то, что новые правители потратили важнейшее достижение Николая I, т. е. предотвращение болгарской угрозы¹⁹. Договор, заключенный в августе 913 г. между патриархом и Симеоном, обеспечивал мирный характер дальнейших византийско-болгарских отношений²⁰. Регентский совет во главе с Зоей Карбонопсиной не признал его условий и постепенно шел на военную конфронтацию с Болгарией²¹. В результате этой политики развязалась в 917 г. война, которая продолжалась с разным напряжением в следующие годы²². Николай I Мистик в своих письмах к Симеону не поддержал решение регентского совета, что может свидетельствовать о том, что он не участвовал в его принятии и не соглашался с ним²³. Такое отношение к вышеуказанному вопросу можно у Николая I заметить прежде всего во время правления Зои Карбонопсины в качестве ре-

¹⁶ Ангелов, Д. Методы византийской дипломатии в отношениях с Болгарией по данным писем константинопольского патриарха Николая Мистика. – В: Вопросы истории славян. Т. 1. Воронеж, 1963, 60–69.

¹⁷ Leszka, M. J. Mikołaj Mistyk..., 28–29.

¹⁸ Runčič, S. The Emperor Romanus..., p. 52.

¹⁹ Подробнее на эту тему: Leszka, M. J. Symeon I Wielki..., 159–166.

²⁰ По теме условий этого договора: Николов, А. Политическа мисъл..., 129–139; Shepherd, J. Symeon of Bulgaria-Peacemaker. – In: Shepherd, J. Emergent Elites and Byzantium in the Balkans and East-Central Europe. Farnham–Burlington, 2011, no. III, 22–34; см. Leszka, M. J. Symeon I Wielki..., 138–146.

²¹ На тему политики Зои по отношению к Болгарии в 914–916 гг. см.: Божилов, И. Цар Симеон..., 118–121; cf. Leszka, M. J. Symeon I Wielki..., 159–166.

²² На тему болгаро-византийских отношений после 916 г. см.: Божилов, И. Цар Симеон..., 121–145; Leszka, M. J. Symeon I Wielki..., 167–224.

²³ Примером может служить письмо № 9 (с. 58), датированное 917 г. Николай отмечается в нем от похода византийской армии в Болгарию, оконченого поражением, утверждая, что ничего не знал о нем, потому что решение было принято во время заседания, на которое он не получил приглашения.

гента при своем малолетнем сыне, Константине VII (февраль 914 г. – осень 918 г.) и в период прихода к власти Романа Лакапина (919–920)²⁴. Вероятнее всего именно в этот период были написаны письма, содержащие сведения о *синисфоре*. Нельзя исключать, что неблагоприятное отношение Николая I Мистика к вопросу чрезвычайных притязаний империи, обращающейся к церковным имениям, было обусловлено не только желанием защитить владения Церкви, но связывалось также с несогласием на антиболгарскую политику константинопольских правителей. Патриарх считал, что нет никакой причины, чтобы Церковь платила за ошибки управляющих империей.

Высказанное выше заключение имеет, конечно, гипотетический характер. Кажется однако, что в его свете отношение Николая I Мистика к ситуациям, в которых государство лезет в карман Церкви в условиях реальной угрозы для империи со стороны Болгарии, является еще более понятным.

THE ATTITUDE OF NIKOLAOS MYSTIKOS, THE PATRIARCH OF CONSTANTINOPLE, TOWARDS THE INTRODUCTION OF EXTRAORDINARY TAX EXACTIONS FROM THE CHURCH

(Summary)

The article discusses the attitude of Nikolaos Mystikos towards the exaction by the state of extraordinary fiscal duties from the Church.

The Author of the study concludes that the patriarch, despite his experience in civil service, in this respect tended to display views which were expected of the head of the Church, i.e. he defended the interest of the ecclesiastic structure and chose the way of tax evasion to avoid losses in the Churches' financial resources.

However, he was also well aware of the fact that in some instances the Church has the obligation of supporting the state with ecclesiastic funds. Such a situation was a threat posed by an external enemy. That is why during his reign the Church's resources were tapped in the face of the danger caused by Bulgaria under the rule of Simeon.

Neither can one exclude the conclusion that the above-mentioned reluctance of Nikolaos Mystikos to support the practices of the state resulted not only from his defence of ecclesiastic resources but it also was caused by the anti-Bulgarian policy pursued by the authorities in Constantinople. The Patriarch simply did not see a reason why the Church should be obliged to pay for mistakes made by rulers of the Empire.

*Mirosław J. Leszka,
University of Łódź*

²⁴ L e s z k a, M. J. Mikołaj Mistyk..., p. 25.